

К биографии ректора Московского университета профессора М.М. Новикова: события 1917–1922 гг.

Т.И. УЛЬЯНКИНА

Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Дом Русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия;
tiulian@ihst.ru; tatparis70@gmail.com

В статье представлены документальные материалы, раскрывающие малоизвестные страницы жизни Михаила Михайловича Новикова (1876–1965) – выдающегося зоолога, известного общественного и государственного деятеля. Описаны основные этапы массовой административной высылки творческой интеллигенции Москвы, Петрограда, Киева, Одессы, Казани, сопровождавшиеся окончательным свертыванием демократических начал в политической жизни Советской России.

Ключевые слова: М.М. Новиков, Московский университет, политические репрессии 1917–1920-х гг., административная высылка 1922 г.

Профессор Михаил Михайлович Новиков¹ относится к тем подвижникам, благодаря таланту и энергии которых российская научная интеллигенция, оказавшись в

¹ **Новиков Михаил Михайлович** (14/27.03.1876, Москва – 12.01.1965, г. Найяк, шт. Нью-Йорк) – ученый-биолог, государственный и общественный деятель. Выпускник Гейдельбергского университета, профессор кафедры зоологии Московского университета (1911, 1916–1920); профессор кафедры зоологии и сравнительной анатомии Коммерческого института в Москве (1911–1916), гласный Московской Городской думы (1909), депутат IV Государственной думы (1912), чл. партии кадетов, ректор Московского университета (1919–1920), автор фундаментальных работ по цитологии, гистологии, сравнительной анатомии, истории науки.

23 апреля 1920 г. был арестован по делу Тактического центра; 16 августа 1922 г. арестован по обвинению в антисоветской деятельности. В августе 1922 г. по решению Коллегии ГПУ выслан из РСФСР за границу в административном порядке. После кратковременного пребывания в Берлине и Гейдельберге переехал в Прагу, где 16 лет был бессменным ректором РНУ – Русского научного объединения (1923–1938), председателем Музейной комиссии Русского культурно-исторического музея в Праге, председателем Комитета по поддержанию Русской биологической станции в Виллафранке (Франция). В 1935 г. Новиков был избран профессором Карлова университета в Праге. В 1939-м, после переезда в Словакию – проф. каф. зоологии и дир. Зоологического института Братиславского университета (1939–1945).

В 1945–1949 гг. на положении перемещенного лица (Ди-Пи) жил с семьей в Регенсбурге (Бавария). В августе 1949 г. (в возрасте 73 лет) переехал в США, где жил в г. Найяке, близ Нью-Йорка. Много сил отдал руководству Русской академической группы (РАГ) в США, деятельности Пироговского общества в США, чтению научных и публичных лекций, написанию мемуаров. После смерти проф. Е.В. Спекторского был избран вторым председателем РАГ в США (1951–1966). Издал книгу воспоминаний «От Москвы до Нью-Йорка» (1952) и брошюру «Полстолетия научной деятельности» (1956). В 1968 в Буэнос-Айресе посмертно вышла в его обобщающая монография “Fundamentos de la Morphologia comparada De Los invertebrados” (Editorial Universitaria de Buenos Aires).

М.М. Новиков был членом многих научных обществ: Московского общества естествоиспытателей, Королевского чешского общества наук, Славянского института, Немецкого зоологического общества в Гейдельберге, Зоологического общества в Праге, Французской ассоциации анатомов и других. В 1957 г. Американская академия искусств и наук избрала его своим действительным членом.

эмиграции, смогла не только достойно выжить, но и объединиться, создав действенную сеть русских общественных и научных (академических) организаций, необходимых для продолжения научной работы и подготовки кадров. Будучи высланным большевиками из России в составе московской группы пассажиров «философского парохода» осенью 1922 г., в эмиграции он продолжал ощущать себя частью великой русской культуры, а свои научные достижения обычно рассматривал как успех «ради русского имени», ссылаясь на любимое выражение Д.И. Менделеева (Новиков, 1956, с. 26).

М.М. Новиков оставил после себя обширное и разнообразное научное наследие в виде статей и монографий, опубликованных в России, Чехословакии, Германии, Франции, США. Его научные труды относятся к таким отделам естествознания, как зоология, сравнительная анатомия, эмбриология, систематика, цитология и др., и касаются представителей различных групп беспозвоночных и позвоночных.

Главная тема исследований, которую М.М. Новиков начал интенсивно разрабатывать еще в России, — сравнительно-анатомическое изучение строения органов зрения беспозвоночных. Она привела его к созданию новой классификации зрительных органов млекопитающих, включавшей четыре типа: с плоской ретиной, мешковидной, пузырьвидной и выпуклой. При этом М.М. Новиков считал, что сходство в строении органов зрения не только обусловлено общностью их генетического происхождения (т.е. *гомологией*), но и включает *аналогию*, т.е. некий биологический механизм приспособления к выполнению одинаковых функций.

В своих трудах М.М. Новиков описал множество примеров параллелизма, не связанного с общим происхождением или филогенетическим родством (как, например, форма крыльев птиц и насекомых).

Принцип аналогии в основных процессах формообразования живой природы М.М. Новиков проследил и на других объектах, в частности на разных физиологических системах: нервной, половой, опорно-двигательной, а также на различных кожных покровах, в том числе раковинах моллюсков, «светящихся» органах и пр. Новые данные привели ученого к открытию общих законов морфологического формообразования и позволили ему сделать важнейшие теоретические обобщения в области эволюционной морфологии. Использование принципа аналогии позволило ввести в сравнительную анатомию новый, так называемый *номотетический метод*. В 1928 г. на X Международном конгрессе зоологов в Будапеште М.М. Новиков сделал доклад на тему «Принцип аналогии в сравнительной анатомии»², а в 1930 г., в защиту аналогии, он издал в немец-

Профессор
Михаил Михайлович Новиков
(архив Русской академической группы
в США, Киннелон, шт. Нью-Джерси)

² Novikoff M.M. Das Prinzip der Analogie als Grundlage der vergleichenden Anatomie. Программа X Международного конгресса зоологов в Будапеште в 1927 г., 2–10 сентября // Русский заграничный исторический архив (ГАРФ, Москва). Ф. 6767. Новиков Михаил Михайлович. Оп. 1. Л. 10–50. Конгресс состоялся только в 1928 г.

ком издательстве Г. Фишера монографию „Das Prinzip der Analogie und die vergleichende Anatomie” — «Принцип аналогии в животном мире», имевшую огромный резонанс в научном мире. В ней М.М. Новиков дал подробный анализ понятия «аналогия», классифицировав все явления, объединенные этим понятием, по трем группам: *типичная аналогия* (когда сходство органов зависит от их функций), *изоморфия* (когда сходство органов зависит от внешней среды) и *гомоморфия* (когда сходство является следствием общих законов органического формообразования). Наиболее подробный обзор этих явлений был опубликован М.М. Новиковым в «Записках Научно-исследовательского объединения Русского свободного университета в Праге» (1936) и немецком журнале «Acta biotheoretica» (1938).

Благодаря своим научным трудам, М.М. Новиков проложил путь, по которому пошли не только биологи, но и ученые других специальностей (Hermann, Kleisner, 2005). Свои новые идеи М.М. Новиков использовал при составлении учебника для университетов. Речь идет о прекрасно иллюстрированном «Руководстве по сравнительной морфологии беспозвоночных животных» на чешском языке, изданном Пражской академией наук в 1930 г. В 1936 г. в Праге на чешском языке вышел другой его учебник «Основы сравнительной морфологии беспозвоночных», „Zaklady srovnavaci morfologie besobratlych”. Позже он находил свои анатомические рисунки во многих русских и иностранных учебниках. «Даже в одном из советских руководств я нашел такое изображение, однако, без обозначения имени автора», — констатировал он с сожалением (Новиков, 1956, с. 17).

Тесное общение М.М. Новикова с учеными разных специальностей, в том числе и в период работы съездов Русских академических групп за границей, позволило ему значительно расширить масштабы своей биологической концепции гомоморфизма. Так, в начале 30-х годов XX века в своих теоретических статьях он часто обращается к сходным идеям параллелизма (в биологии — гомоморфизма) в гуманитарных науках. Он широко цитирует работы русского историка Н.И. Данилевского («Россия и Европа», 1869), немецкого философа-историка О. Шпенглера (1921), французского философа Р. Masson-Oursel'a (1923), швейцарского культуролога W. Deonna (1922). Среди лингвистов он ссылается на труды русского профессора Н.С. Трубецкого (Венский университет), разработавшего учение о фонемах (фонологию) — сравнительном изучении национальных вокальных систем, подверженных определенным правилам и законам. Описание «фонологических сходств» в лингвистике Новиков считал созвучным «гомоморфиям» в сравнительной анатомии.

Некоторые историки биологии объединяют теоретические работы М.М. Новикова с трудами русских биологов — Н.И. Вавилова, Л.С. Берга, В.А. Догеля и других, поскольку все они были сосредоточены на изучении параллелизмов в живой природе, пытаясь на этом пути открыть закономерности преобразования живых форм. Как пишет Д.А. Александров (2000), «в Советской России знали о работах М.М. Новикова, использовали и развивали его идеи, но имя обходили молчанием».

М.М. Новиков — автор многих мемуарных работ, которые были известны в Русском зарубежье³, о чем свидетельствуют отзывы, опубликованные в зарубежных изданиях (Гаврилов, 1936; Вишняк, 1953; Погорелов, 1954; Н.В.М., 1955; Зароченцев, 1955; Плетнев, 1957; Белоусов, 1975 и др.) И только в своем отечестве научное и публицистическое наследие М.М. Новикова находилось под запретом. Лишь в начале 1990-х гг. появились отдельные публикации, посвященные биографии этого талантливого ученого-биолога, организатора

³ См. раздел Литература.

науки, государственного и общественного деятеля (Вронская, Чугаев, 1994; Дорошенко, Мочалов, Трошин, 1995; Ульяновкина, 1997; 1998; Александров, 2000). Поскольку в истории отечественной науки, как и в истории научной эмиграции послеоктябрьской волны, до сих пор ощущается большой дефицит аналитических работ о судьбах ученых-эмигрантов, хочется надеяться, что данная статья, посвященная одному из самых драматических периодов в жизни М.М. Новикова, поможет восполнить этот пробел.

Как известно, после прихода к власти большевики восстановили аппарат царской политической полиции, частично разрушенный Временным правительством. Российская интеллигенция поначалу полагала, что репрессивные институты (ревтрибуналы, массовые казни, ссылка, лагеря, цензура и др.) будут носить временный характер и после выполнения своих задач они будут ликвидированы. Однако репрессивные акции постоянно продлевались и со временем вообще перестали иметь какое-либо отношение к порядку, который были призваны охранять. По мнению Ричарда Пайпса — профессора русской истории Гарвардского университета,

«идея о том, что политика может быть монополизирована какой-то группой или идеологией, в условиях современного мира бесперспективна. Любое правительство, упорствующее в этом заблуждении, вынуждено давать все большую власть своему полицейскому аппарату и, в конце концов, падает его жертвой» (Пайпс, 1993, с. 415).

Вспоминая о времени, наступившем после октябрьского переворота, М.М. Новиков, писал:

«Преподаватели, студенты и служащие университета постоянно находились под дамокловым мечем обыска и ареста. И надо сказать, что этот меч нередко обрушивался на членов нашей академической семьи, и особенно часто, конечно, на профессоров. Хлопоты об освобождении их и являлись обычным поводом моих посещений Наркомпроса. Помню, в одно из таких посещений я упрекнул М.Н. Покровского в несправедливости и излишней жестокости по отношению к лояльным гражданам. На это он мне ответил: „Вы, как биолог, должны знать, сколько крови и грязи бывает при рождении человека. А мы рожаем целый мир“» (Новиков, 1930, с. 180).

Не менее тяжкими были материальные злоключения. «Голодание профессоров еще подчеркивалось сравнительным изобилием продуктов у служителей университета. Этим последним помогала, с одной стороны, их связь с деревней, а с другой стороны, пайки, которые они получали, как представители господствующего класса, были лучше и обильнее профессорских. В то время как мы мечтали о том, чтобы в черном хлебе было поменьше соломы, а в селедках — червей, они имели мороженных гусей и белую муку... В университетском ботаническом саду почтенные профессора, обладатели мирового научного имени, среди них и 60-летний бывший ректор университета, часами выкапывали, не из чудачества, а из-за крайней нужды, корни одуванчиков, чтобы приготовить из них цикорий», — писал М.М. Новиков (1930, с. 180–181).

Следствием тяжелых условий существования явилась чрезвычайно высокая смертность среди профессоров. Только в 1919–20 гг. Московский университет похоронил 12 своих профессоров, умерших от недоедания. Так было с А.Н. Сабаниным — выдающимся ученым-почвоведом и любимцем студенческой молодежи, профессором физиологии Л.З. Мороховцом, тело которого М.М. Новиков обнаружил на ящиках, в сарае, на университетских задворках, философом Л.М. Лопатиным, профессором римского права В.М. Хвостовым, повесившимся у себя на квартире, и др. Аналогичная ситуация была в Петрограде, где в 1918 г. начались превентивные аресты. Террор еще

более усилился после убийств В. Володарского (М.М. Гольдштейна) и М.С. Урицкого. «Среди жертв было немало профессоров и крупных специалистов высших военных и технических учебных заведений. Так, известно, что в 1918 г. в лагере „Медведь“ под Новгородом находился в заключении профессор Морской академии И.Г. Бубнов (1872–1919), которого по счастливой случайности освободили», — писала историк Н.С. Ермолаева (1995).

Положение ректора Московского университета и председателя Научной комиссии не избавило М.М. Новикова от преследований. В общей сложности ученый до своей депортации пережил три ареста. Весной 1919 г. одним из первых ударов для М.М. Новикова после занятия им должности ректора стало предписание Совета народных комиссаров (СНК) об отдаче его и бывшего ректора МГУ М.А. Мензбира под суд за неисполнение декрета СНК о ликвидации домовых церквей (речь шла о церкви св. мц. Татьяны)⁴. По распоряжению Моссовета на Моховую улицу был направлен специальный отряд для ликвидации наружной православной символики со здания университетской церкви: креста, иконы и надписи на фронтоне. Новиков так вспоминал об этом событии:

«Наступила ненастная ночь, а когда я прибыл в Университетскую церковь, то разразилась жестокая гроза. Точно в назначенное время подъехали два грузовика с рабочими, которые под проливным дождем, при грозных раскатах грома и блесках молнии приступили к своей разрушительной работе. Крест и икона были сняты довольно быстро, но сбивание надписи потребовало значительного времени. Лишь под утро работа закончилась, и распорядитель явился ко мне для подписания протокола. Все было проведено с обеих сторон вполне корректно. Что же касается рабочих, то, несмотря на то, что был послан, по-видимому, особенно испытанный кадр, в лицах и движениях их явно сквозило явное смущение, вызванное как странностью порученной им ночной работы, так и грозной картиной разбушевавшейся стихии»⁵.

Однако фактически арест Новикова органами ВЧК был произведен позже — 23 апреля 1920 г. — и был связан с процессом над участниками «Тактического центра» (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 472). Ученого продержали 13 дней в Сущевской районной чрезвычайной комиссии; дома у него был произведен обыск. «Когда готовился судебный процесс о „Тактическом центре“... у меня был проведен обыск, и я 13 дней просидел в чрезвычайке», — вспоминал ученый (Новиков, 1952, с. 121–122). По делу «Тактического центра» 16 августа 1920 г. был вызван в качестве обвиняемого и профессор Н.К. Кольцов. Он был обвинен в хранении денег для пособий семьям пострадавших членов организации. 19 августа его арестовали повторно, а 20 августа приговорили к расстрелу. Вскоре расстрел был заменен пятью годами условно. К расстрелу заочно был приговорен и академик П.Б. Струве (см.: Летопись Российской академии наук, 2007, с. 387), пострадала дочь Льва Толстого — Александра Львовна Толстая⁶, для которой обвинитель от Верховного ревтрибунала ВЦИК Н.В. Крыленко потребовал заключения в «концентрационный лагерь на три года» (Крыленко, 1937, с. 109; см. также: Красная книга В.Ч.К., 1922; Бабков, 1989, с. 3–19).

6 ноября 1920 г. на заседании Общего собрания Академии наук С.Ф. Ольденбург указал на исключительно тяжелое положение, в котором находится русская наука и

⁴ По-видимому, имеется в виду Декрет СНК о свободе, совести, церковных и религиозных обществах от 20 января 1918 г. // Правда. 1918. 21 янв..

⁵ Цит. по: Лебедева, 1996, с. 132–133.

⁶ Толстая Александра Львовна (1 июля 1884 г., Ясная Поляна — 26 сентября 1979 г., Валлей Коттедж, шт. Нью-Йорк) — младшая дочь и секретарь Л.Н. Толстого (1901–1910), сестра милосердия, хранитель музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», основательница и президент Толстовского фонда, основанного 15 апреля 1939 г. в местечке Валлей Коттедж, под Нью-Йорком.

русские ученые, и предложил обратиться в Совнарком с запиской, в которой было бы указано на катастрофическое положение научной работы в России и предложены срочные меры к изменению этого положения (Летопись Российской академии наук, 2007, с. 392). В результате на свет появилась записка в правительство, подписанная руководителями РАН. В ней, в частности, говорилось:

«Если положение не изменится, то ясно, что погибать будут только ученые, не наука, которая бессмертна и всегда найдет пути, чтобы продолжать свое победное шествие к знанию. Ясно, что если одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России. Но такой выход вряд ли может быть засчитан нормальным и желательным»⁷.

После освобождения М.М. Новиков еще какое-то время продолжал работать на посту ректора, но уже в первой половине ноября 1920 г. он был вынужден уйти в отставку, в связи с реорганизацией управления университетами, проводимой Наркомпросом, по которой демократическая система управления через Советы университетов и избиравшихся ими ректоров, заменялась введением нового коллегиального органа — Временного президиума, находящегося под контролем государства. Последнее заседание университетского Совета под председательством ректора М.М. Новикова датировано 4 ноября 1920 г.⁸ 14 ноября 1920 г. председателем Временного президиума Московского университета (ректором) был избран Д.П. Боголепов⁹, получивший от В.И. Ленина следующие инструкции: 1) наука только для бедных; 2) уничтожение «свободы преподавания», преподавательская работа «по нашим указаниям»; 3) улучшение материального положения работников МГУ (Ректоры Московского университета, 1996, с. 166). Методы излишнего администрирования Д.П. Боголепова не только вызывали сопротивление старой профессуры Московского университета, но и создали ему имидж разрушителя науки, что привело его к быстрой отставке с поста ректора (Ректоры Московского университета, 1996, с. 169).

Из комментария самого М.М. Новикова: «Осенью 1920 года Декретом Наркомпроса, вдохновителем которого, несомненно, был М.И. Покровский, университетская автономия совершенно ликвидировалась, и заведование университетом передавалось коллегиям, большинство голосов в которых, принадлежало лицам, назначенным правительством или, что то же самое, делегированным различными, чуждыми университету партийными организациями. Преподавательскому персоналу в управлении университетом отводилась второстепенная роль... Ректором университета был назначен доцент Боголепов, имевший кличку Митька. Он не мог удержаться на посту, и вскоре был заменен В.П. Волгиным, бывшим сотрудником газеты „Русские Ведомости“» (Новиков, 1952, с. 126—128). Разрушение высшей школы, которое когда-то не удалось Победоносцеву и Кассо, удалось Луначарскому и Покровскому.

⁷ Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927. М., 1983. Т. 1. Ч. 1. С. 346.

⁸ Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 29; Ед. хр. 11. Л. 483. В одном из очерков о Московском университете есть такая ремарка, касающаяся М.М. Новикова: «Большевистские власти вначале не покушались на право университетской автономии, разработанного Государственной Думой, — в это время М. Новиков дважды избирался ректором Московского университета. В конце 1920 г. власти издали новый университетский устав, подчиняющий жизнь высшей школы диктатуре партии, — М.М. Новиков вместе со всем правлением университета протестовал против этого устава и покинул пост ректора» (см.: Новиков, 1962, с. 71). Однако документального подтверждения повторного избрания Новикова ректором не найдено.

⁹ Дмитрий Петрович Боголепов (1885—1941) (см.: Ректоры Московского университета, 1996, с. 165—169).

Реформы Наркомпроса в некоторых вузах вызвали забастовки. Профессоров поддерживали студенты. Власти еще не были готовы ответить репрессивными методами, и в отношении некоторых руководителей вузов решения были отменены¹⁰. Через полтора года борьба М.М. Новикова и его коллег за автономию высшей школы, как и борьба за улучшение материального положения профессоров и студенчества, будут названы «главными направлениями контрреволюционной работы антисоветской профессуры»¹¹. 17 февраля 1922 г. газета «Правда» в статье «Кадеты за работой» писала:

«Профессора ВУЗов ведут бешеную кампанию против Советской власти. Они бойкотируют членов преподавательской и профессорской коллегии, не согласны с большинством. Дирижируют этим профессорским оркестром кадеты из парижских „Последних Новостей“. Наша высшая школа стала последнее время ареной кадетской борьбы против Советской власти. Не связанные со студенческой массой, в значительной степени обновившейся за время революции, опирающиеся исключительно на веяния НЭПа, гг. профессора разыгрывают предгенуэзскую комедию борьбы за „автономию“ высшей школы»¹².

В отчете народного комиссара просвещения А. Луначарского (1920) есть такое описание противостояния высшей школы с его комиссариатом:

«Отношения с профессорами и с Всероссийским учительским союзом были с самого начала крайне недружелюбны. Попытки наладить наши отношения с профессорами (созыв двух конференций) не привели к благоприятным результатам. Наша научная аристократия переходила от умеренных уступок к полной неуступчивости в зависимости от большего или меньшего успеха белогвардейского окружения.

Это и заставило нас в сфере высшей школы порвать совершенно с благоговейным отношением к автономии науки. Мы, конечно, и теперь признаем автономию желательной и естественной, но не в атмосфере пролетарской диктатуры, когда наука эта находится в руках враждебно настроенных людей, когда университеты даже и в настоящий момент на большую половину наполнены, в лучшем случае, равнодушной к революции интеллигенцией, и когда пролетариат обязан завоевать высшую школу для себя всю, от кафедры до последнего места в лаборатории. На самом деле, наука выйдет из этого испытания более объективной, честной, мощной и сияющей. Борьба против автономии при нынешних условиях есть борьба против порабощения науки буржуазией и ее придатками» (Луначарский, 1920, с. 7).

Большевикам было мало покончить с контрреволюцией в период гражданской войны. Сменив политику военного коммунизма на курс новой экономической политики, они испустили требования интеллигенции по предоставлению политических свобод и начали новое наступление на ее политические права и свободы (подавление Кронштадтского восстания, разгром крестьянских выступлений, проведение показательных судебных процессов, начало кампании по изъятию церковных ценностей, проходившей весной 1922 г. под лозунгом помощи голодающим Поволжья, преследование части духовенства, включая патриарха Тихона и т.д.) — все это были звенья одной цепи беспрецедентных репрессий по отношению к инакомыслящим. До осени 1922 г. за неимением выбора власть вынуждена была терпеть прежнюю профессуру, стараясь, однако, снизить ее авторитет перед молодежью.

¹⁰ Так, например, ректор МВТУ И.А. Калинин остался на своем посту (см.: Александров, 2002, с. 152–165).

¹¹ Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП (б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции», от 1 июля 1922 г. (см.: Высылка, 2005, с. 76). Записка подписана Я. Аграновым.

¹² Кадеты за работой // Правда. 1922. 17 февр.

С сентября 1922 г. в Московском университете начал жестко осуществляться классовый принцип приема студентов за счет рабфака и командированных на учебу от ЦК РКП(б), ЦК комсомола, ВЦСПС, наркоматов национальных республик. В 1922 г. открылся студенческий клуб (в помещении бывшей студенческой церкви св. Татианы), Одновременно с этим были отстранены от преподавания непримиримо настроенные к советской власти профессора.

Аналогичная ситуация сложилась и в Петрограде. Известный социолог Питирим Александрович Сорокин¹³ так вспоминал о жизни своих коллег по Петроградскому университету:

«Новый комиссар университета первокурсник Цвибак отобрал печати у ректора Шимкевича — профессора и самого выдающегося зоолога в России, и объявил себя руководителем университета. В 1921–1922 годах ректора уволили, многих профессоров лишили права преподавать, выслали или казнили. Такая политика правительства была настоящим испытанием нравственных и гражданских позиций русских ученых, и я могу сказать, что большинство выстояло и перенесло все испытания и гонения, которым они были подвергнуты. Один из самых великих ученых, И.П. Павлов, показал до каких высот нравственности и научных идеалов поднимался дух ученых России в те ужасные дни. Как двое наиболее часто выступающих с критикой коммунизма ученых, мы с Павловым крепко сдружились в те годы. Вместе с ним мы организовали Общество объективных исследований человеческого поведения, где я был действующим, а Павлов — почетным председателями. Не иначе как в целях пропаганды своей политики за рубежом Советское правительство в 1921 году издало декрет специально о Павлове, в котором заявило о публикации всех его работ и создало комиссию, куда вошли Максим Горький и Луначарский, для решения неотложных проблем его лаборатории. Павлов ответил заявлением, что он не торгует своими знаниями и не примет ничего из рук, уничтоживших русскую науку и культуру. Пусть тот, кто ищет примеры нравственного героизма, подумает о тысячах людей в России, которые годами, день за днем стойко отвечали большевикам: «Не хлебом единым жив человек» и «Воздаст Господь каждому по делам его» (Сорокин, 1992, с. 134). «Война, которую вели Советы на идеологическом фронте, и террор усиливались снова. Все мы жили, не загадывая на будущее, ожидая каждый день новых ударов со стороны властей» (там же, с. 140).

Во время страшного голода 1919–21 гг. П.А. Сорокин сумел собрать большой и ценный материал и в мае 1922 г. приступил к изданию книги под названием «Влияние голода на человеческое поведение, социальную жизнь и организацию общества»¹⁴. Однако по воспоминаниям самого ученого, «Еще до публикации многие параграфы и даже целые главы были вырезаны цензурой. Книга как нечто целое погибла, но то, что осталось, было, все же, лучше, чем ничего» (Сорокин, 1992, с. 140). Народный комиссар просвещения Луначар-

¹³ Сорокин Питирим Александрович (1889–1968) — социолог, философ, публицист, впоследствии профессор Гарвардского университета и президент Американской социологической ассоциации. В эмиграции П.А. Сорокин жил какое-то время в Берлине, затем в Праге, где редактировал журнал «Крестьянская Россия»; издал книги «Современное состояние России» (Прага, 1922) и «Очерки социальной педагогики и политики» (Ужгород, 1923). В октябре 1923 г. Сорокин выехал в США по приглашению американских социологов для чтения лекций о русской революции в университетах США, и в 1930 г. принял американское гражданство. В 1930 г. Гарвардский университет предложил Сорокину создать и возглавить новое отделение по социологии. Сорокин занимал пост главы отделения до 1942 г., а затем работал в университете в качестве профессора социологии еще 17 лет. Среди его многочисленных учеников был будущий президент США Дж. Кеннеди.

¹⁴ Книга П.А. Сорокина вышла в свет под названием «Влияние голода на человеческое поведение». После смерти ученого, его жена Е.П. Сорокина перевела первоначальный текст рукописи мужа на английский язык и издала книгу в США.

ский предложил П.А. Сорокину (после его освобождения из тюрьмы) пост комиссара петроградских высших учебных заведений, от которого тот отказался. «Он (Луначарский) полагал, что ленинский замысел превратить меня и других оппонентов в союзников, в еще один инструмент политики коммунистов — хитроумный ход. Но если я и мои коллеги не имели возможности остановить физическое и моральное удушение страны, то у нас хватило ума не поощрять, а тем более не участвовать в этой губительной деятельности», — писал П.А. Сорокин (там же, с. 130). 19 сентября 1922 г. Сорокин был арестован ГПУ и обвинен в антисоветской деятельности. 26 сентября 1922 г. по решению Секретного отдела ГПУ (СО ГПУ) он был выслан из пределов РСФСР за границу бессрочно (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 333).

1922 г. Подготовка и проведение административной высылки

Начиная с первых послеоктябрьских дней 1917 г., ВЧК стала последовательно брать на учет всех «бывших людей»: от политических деятелей до «профессуры». В отдельную категорию подследственных «профессура» впервые была выделена в громком деле Всероссийского национального центра в 1919–20 гг. В мае 1921 г. силами 8-го отделения СО ГПУ в центральных и важнейших государственных учреждениях страны были организованы Бюро содействия ГПУ (БС). К августу 1922 г. их насчитывалось 45 (в госуниверситетах, Наркомземе, Наркомиздате, Наркомпочтеле, Наркомтруде, Наркомпроде, Петровской сельскохозяйственной академии, ВСНХ, Центросоюзе, Наркомвнуделе, Наркомсобеде, Наркомпросе и других наркоматах и учреждениях). В обязанность членов Бюро входил не только сбор необходимых документов для СО ГПУ, но и секретное наблюдение за собраниями и съездами. Сводки от БС поступали в ГПУ не менее двух раз в месяц. Созданием Бюро ГПУ удалось в короткий срок поставить под свой контроль работу большей части крупнейших государственных, научных и культурных учреждений страны.

В качестве одного из поводов для изгнания из страны интеллигенции в 1922 г. многие историки называют неудавшийся опыт сотрудничества советской власти с интеллигенцией в процессе борьбы с голодом. Комитет помощи голодающим (Помгол) был утвержден декретом ВЦИК в июле 1921 г. Из 73 членов Комитета 12 представляли советское правительство (Л.Б. Каменев, А.И. Рыков, М.М. Литвинов, Л.Б. Красин, А.В. Луначарский и др.), а 61 — русскую общественность (профессора С.Н. Проккопович и Н.Д. Кондратьев; председатель Московского общества сельского хозяйства А.И. Угримов; писатели А.М. Горький, Б.К. Зайцев, М.А. Осоргин; бывшие кадетские деятели Н.М. Кишкин, Е.Д. Кускова и др.). Комитету был присвоен знак Красного Креста. Ему предоставлялось право приобретать в России и за границей продовольствие, собирать пожертвования, открывать за границей отделения и командировать туда своих уполномоченных. Автономия Комитета закреплялась освобождением от ревизии Рабоче-Крестьянской инспекцией (Главацкий, 2002, с. 12). В эти годы ни одна общественная организация не получала таких полномочий. Однако Комитет уже в конце августа был ликвидирован, а его наиболее активные члены, представлявшие общественность, арестованы и через год высланы за границу. Между изгнанием и роиспуском Комитета было много общего. Так, например, в обоих случаях обвинения против Комитета и экспатриантов 1922 г. сводились к их антисоветской деятельности. «Преступлением, — отмечал М. Геллер, — было и непонимание того, что спасение от голодной смерти силами общественности, в то время как государство не могло ничего сделать, было актом политическим» (цит. по: Главацкий, 2002, с. 15). Для большевиков преступлением счи-

талось само существование Комитета помощи голодающим, объединявшего всех, кто мог содействовать спасению от голода, и ставшего центром возрождения общественности. Этого власти допустить не хотели.

Как отмечал российский историк М.Е. Главацкий, автор книги «Философский пароход: год 1922-й. Историографические этюды», существовало большое сходство в инструктивных указаниях В.И. Ленина по «обработке» общественного мнения в 1921 г. (при ликвидации Помгола) и в 1922 г. (при подготовке изгнания) — «высмеивать и травить», и даже буквальное совпадение в лексике: «очистить» Москву от «кукишей» (1921) и «кочистим Россию от инакомыслящих интеллигентов» (1922).

Многие исследователи истории «философского парохода» 1922 г. единодушны в том, что печальной частью стать детонатором, ускорившим работу по изгнанию инакомыслящей интеллигенции из России, стала серия состоявшихся в 1922 г. Всероссийских съездов интеллигенции (Геллер, 1978, с. 187–232; Хоружий, 1990; Красовицкая, 1990, с. 14–15; Главацкий, 2002, с. 150). Вот их краткий перечень: Всероссийский агрономический съезд (март 1922 г.), Всероссийский съезд врачей (май 1922 г.), 1-й Всероссийский геологический съезд (май 1922 г.), Всероссийский съезд сельскохозяйственной кооперации (октябрь 1922 г.). Все съезды оказались в поле пристального внимания сотрудников ГПУ, поскольку, как и ожидалось, именно здесь власти столкнулись с открытой критикой своей социально-экономической политики со стороны ученых. Например, резкая антисоветская позиция правления Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова на Всероссийском съезде врачей привела к закрытию журнала «Общественный врач» (1922) и самоликвидации общества (1925)¹⁵.

«О том, сколь острым и бурным был в 1922 году вопрос об отношении к представителям непролетарских партий и колеблющейся интеллигенции, свидетельствует тот факт, что за один этот год Политбюро ЦК РКП(б) около 30 раз обсуждало меры их депортации, закрытия печатных органов и ликвидации политических течений, обвиненных в антисоветской деятельности», — писал М.Е. Главацкий (2002, с. 150).

Ниже перечислены некоторые «исторические выпады» В.И. Ленина по вопросу о взаимоотношении советской власти и «профессоров и писателей», предшествующие высылке представителей интеллектуальной элиты в 1922 г.

— В третьем номере первого марксистского философского журнала «Под знаменем марксизма» (1922) опубликована статья Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой высказана идея «вежливенько выпроводить» из страны кое-кого из «духовной элиты»;

— 15 мая 1922 г. В.И. Ленин дополнил текст пункта XXX «Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР» следующей фразой: «Добавить право замены расстрела высылкой за границу, по решению ВЦИК (на срок или бессрочно)»; а по пункту XXXX «Добавить: расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы. Тов. Курский! По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылки за границу)... Найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбе с нами (подкупом печати и агентов, подготовкой войны и т.п.)» (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 14);

¹⁵ Общество основано в 1883 г. как Московско-Петербургское медицинское общество; в 1886 г. было переименовано в Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова и стало организационным центром общественной и, прежде всего, земской медицины. Издавало «Журнал Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова» (1895–1908), с 1909 г. — «Общественный врач», а также труды и дневники Пироговских съездов.

— 19 мая 1922 г. В.И. Ленин писал Ф.Э. Дзержинскому. «Тов. Дзержинскому. К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее... Обязать членов Политбюро уделять 2–3 часа в неделю на просмотр изданий и книг... Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ... Надо поставить дело так, чтобы этих „военных шпионов“ изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу» (Философский пароход, 2003, с. 4.);

— 16 июля 1922 г. В.И. Ленин писал Сталину: «Тов. Сталину... Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!» (Философский пароход, 2003, с. 4.).

М.Е. Главацкий отмечал, что когда он просматривал протоколы Политбюро за 1922 г., ему бросилось в глаза, что «все без исключения заседания вел И.В. Сталин. На каком-то из них по тем или иным причинам мог отсутствовать Ленин, на другом — Зиновьев, на третьем — Троцкий. А вот Сталин неизменно присутствовал» (Главацкий, 2002, с. 149).

Как известно, подготовка к высылке проводилась в условиях строгой секретности. Только в конце августа 1922 г. лидеры большевиков приоткрыли завесу. Так, Л.Д. Троцкий, разъясняя причину акции в интервью американской журналистке Луизе Брайант-Рид (жена Джона Рида) 30 августа 1922 г., откровенно проговорился:

«Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать, сами по себе политически ничтожны. Но они — потенциальное оружие в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений, а они, несмотря на все наше миролюбие, не исключены, все эти наши неприемлимые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас в спокойный период выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы не откажетесь признать нашу предостерегающую гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением»¹⁶.

Списки высылаемых постоянно подвергались корректировке. Существовало несколько параллельно разрабатывавшихся списков: московский, петроградский, украинский. В украинском списке числилось на 3 августа 1922 г. 77 человек, в московском на 23 августа — 67 человек, в петроградском — 30 человек; итого 174 человека. По подсчету В.Л. Соскина в списках числилось всего 197 человек. Список высылаемых был разбит на разделы. Сначала перечислялись профессора московских вузов — 21 человек, затем деятели издательства «Берег» и «группы Абрикосова» — 6 человек, агрономы и кооператоры — 13, инженеры — 6, литераторы — 12.

Наконец, 10 августа 1922 г. был издан декрет «Об административной высылке», а в ночь с 16 по 17 августа 1922 г. в Москве и Петрограде арестовано более ста известных представителей русской культуры и науки (операция на Украине прошла в ночь с 17 на 18 августа). Активная фаза операции продолжалась около трех недель: с середины августа до первых чисел сентября 1922 г. В квартирах лиц, отсутствовавших во время операции, проводились обыски и высылались наряды в места их возможного местонахождения, ставились засады и так далее. В ГПУ, куда попал Новиков, он встретил трех своих коллег по Московскому университету: профессоров А.А. Кизеветтера¹⁷,

¹⁶ Правда. 1922. 30 авг.

¹⁷ Кизеветтер Александр Александрович (1867–1933) — историк, мыслитель, профессор Московского университета; кадет — «один из духовных лидеров правых кадетов». Арестован ВЧК

Н.А. Бердяева¹⁸, С.Л. Франка¹⁹ и члена Научной комиссии ВСНХ — А.И. Угримова²⁰. Всем им было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности и требование в семидневный срок покинуть пределы России. Итак, сигнал был дан, и аресты посыпались на петербургскую, московскую, киевскую, а также и на провинциальную интеллигенцию (Казань, Одесса).

Профессор Михаил Михайлович Новиков был арестован в третий раз по обвинению в антисоветской деятельности спустя несколько месяцев после второго ареста²¹. Ниже приведено содержание трех архивных документов: ордера на арест М.М. Новикова, от 16 августа 1922 г., протокола допроса и выписки из протокола заседания Коллегии ГПУ в отношении М.М. Новикова от 25 августа 1922 г.

«РСФСР
НКВД
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ОРДЕР №1697.

Августа дня 16, 1922 г.

Выдан сотруднику Оперативного Отдела ГРУ тов. Зубкину
на производство ареста и обыска Новикова Михаила Михайловича.

По адресу Моховая, дом 11, кв. 14/17.

Примечание. Все должностные лица и граждане обязаны оказывать лицу, на которое выписан ордер полное содействие для успешного его выполнения.

Зам Председателя ГПУ Уншлихт²².

Начальник Оперативного Отдела Паукер²³». (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 472).

29 сентября 1918 г. как заложник. 5 декабря 1918 г. Президиум коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией постановил: как бывшего члена ЦК партии кадетов, оставить в заключении. 11 февраля 1919 г. освобожден. С февраля 1919 г. — заведующий отделением Государственного архивного фонда. Профессор 2-го МГУ и заведующий Центральным архивом ВСНХ. Дважды арестован: 25 марта — 24 апреля 1920 г., освобожден до суда; 16 августа 1922 г. арестован за преступления, предусмотренные 57 ст. УК. Находился под домашним арестом. По решению Коллегии ГПУ от 25 августа 1922 г. выслан за границу (см. о нем: Высылка вместо расстрела, 2005, с. 449).

¹⁸ Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — религиозный философ, публицист и общественный деятель.

¹⁹ Франк Семен Львович (1877—1950) — философ.

²⁰ Угримов Александр Иванович (1874—1974) — агроном, профессор. Окончил Московский университет; доктор биологических наук Лейпцигского университета (1899—1905). Помощник ученого секретаря, вице-президент, затем президент Московского общества сельского хозяйства (1906—1922), в 1920 г. принимал участие в Комиссии СТО по электрификации сельского хозяйства. В 1921 г. — член ВКПГ. Осенью 1922 г. выслан за границу. Работал консультантом по сельскому хозяйству в представительстве советской потребкооперации в Германии (1923—24). Читал лекции по истории сельского хозяйства и географии растениеводства в Берлинском университете (1927—1936). В 1938 г. переехал из Германии во Францию, преподавал в «Эколь франсез де Манери» (Школа по подготовке специалистов мучного дела). В 1948 г. вернулся в СССР. Работал агрономом на опытных станциях в Калужской и Ульяновской обл. Определением Судебной коллегии по уголовным делам ВС СССР от 4 октября 1957 г. реабилитирован, после чего жил в Москве (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 495—496).

²¹ Дело № 139. Ордер на арест М.М. Новикова от 16 августа 1922 г. (см.: Высылка вместо расстрела, 2005, с. 301).

²² Уншлихт Иосиф Станиславович (1879—1951) — политический и государственный деятель; большевик. С апреля 1921 по сентябрь 1923 г. — зам. председателя ВЧК—ГПУ.

²³ Паукер Карл Викторович (1893—1937) — государственный и общественный деятель. В 1922—23 гг. — зам. начальника Оперативного отдела ГПУ—ОГПУ СССР.

Во время допроса в ГПУ М.М. Новиков прямо сказал о своей аполитичности, хотя большинство его коллег заявляли о своем лояльном отношении к советской власти (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 28–29), и дал следующие показания.

«ПОКАЗАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ДЕЛА

1) Занимаясь в настоящее время исключительно научными работами в области естествознания (зоология) и службой в НТО по тем же специальным вопросам, совершенно лишен возможности принимать участие в обсуждении политических вопросов.

2) Та часть интеллигенции, к которой я принадлежу, т.е. занимающаяся естественными науками, имеет своей задачей разработку научных вопросов, путем специальных исследований и просветительскую деятельность в форме преподавания (чтение лекций и ведение практических вопросов со студентами).

3) Приостановка занятий в высших учебных заведениях, как связанная с задержкой просветительской работы, весьма нежелательна.

4) Отношение к политическим группировкам у меня отсутствует, так как политикой я не занимаюсь и, по роду своих интересов и служебных занятий, стою от нее очень далеко.

5) Во время моего почти двухлетнего ректорства в Московском университете в 1919–1920 гг. я выполнял с полной добросовестностью все мероприятия по университетской реформе, а в настоящее время вопросами университетского управления не занимаюсь.

6) О перспективах по тому вопросу, который мне совершенно неизвестен, сказать ничего не могу.

М. Новиков»²⁴.

«Выписка из протокола

Заседания Коллегии ГПУ (судебное) от 25 августа 1922 г.²⁵

СЛУШАЛИ

Дело № 15600 Новикова Михаила Михайловича,
обвин[енного] в антисоветской деятельности.

Арестован 16 августа с.г.

Содержится во внутренней тюрьме ГПУ.

ПОСТАНОВИЛИ

На основании п.2 лит Е Пол[ожения] о ГПУ

от 6/11 с.г. выслать из пределов РСФСР за границу.

Освободить на 7 дней, с обязательством явки в ГПУ

по истечении указанного срока.

Доклад тов(арища) Зарайского²⁶

Утвердил тов(арищ) Уншлихт».

Арест и высылку за границу сам М.М. Новиков воспринял как «неожиданный и непонятный акт в политике советской диктатуры» (Новиков, 1958, с. 128–129). Вспоминая об этом времени, он писал:

«Эта мера, хотя и проведенная на фоне сравнительно гуманного НЭПа, была столь необычной, что породила всевозможные кривотолки о причинах, ее вызвавших. Высказыва-

²⁴ Документ № 140. Протокол допроса М.М. Новикова. Показания по существу дела (без даты, не ранее 16 августа 1922 г.; см.: Высылка вместо расстрела, 2005, с. 301–302).

²⁵ Документ № 142. Выписка из протокола заседания Коллегии ГПУ в отношении М.М. Новикова от 25 августа 1922 г. (см.: там же, с. 303).

²⁶ Зарайский — Зубрий (Зубрин) Никифор Иванович (1890–?) — сотрудник ВЧК–ОГПУ, член РСДРП(б) с 1918 г.

валось, между прочим, соображение о том, что большевики выбрали для высылки такой состав представителей интеллигенции, который мог бы внести разложение в русскую эмигрантскую среду. Говорили даже о том, что некоторым из них советская власть якобы дала соответствующие поручения. Такую нелепую и для высланных лиц глубоко оскорбительную сплетню необходимо самым решительным образом опровергнуть. Это нетрудно. Достаточно лишь отчетливо просмотреть список подвергнутых высылке. В моей памяти наиболее отчетливо сохранились имена моих московских спутников. Все это были люди безукоризненной репутации, почтенные и заслуженные представители различных областей знания. Большинство имен относится к области гуманитарных наук, в особенности философии, столь ненавидимой большевиками. Были высланы: философы [Н.А.] Бердяев, [С.Л.] Франк, [Л.П.] Карсавин, И.А. Ильин, [Б.П.] Вышеславцев; историк [А.А.] Кизеветтер, экономист А.А. Чупров; представители других гуманитарных наук — кн. [С.Е.] Трубецкой, [В.В.] Абрикосов, [Д.В.] Кузьмин-Караваев; профессора естествознания и техники — [В.В.] Зворыкин, В.В. Стратонов, [В.И.] Ясинский; председатель Московского сельскохозяйственного общества А.И. Угримов, кооператоры [А.Ф.] Изюмов и [В.С.] Озерецковский... Мне кажется, что высокая моральная и политическая добропорядочность колола глаза большевикам, еще не освоившимся со своей диктаторской беспринципностью, и послужила поводом к удалению „нежелательных элементов“» (там же, с. 129).

Нельзя сказать, что никто из арестованных ранее не допускал мысли об эмиграции — советская пресса последних лет была переполнена обвинениями, направленными против профессоров, инженеров, литераторов и других представителей интеллигенции. Н.А. Бердяев вспоминал:

«это была очень странная мера, которая уже потом не повторялась. <...> Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться. Но вместе с тем было чувство, что я попаду в более свободный мир и смогу дышать более свободным воздухом» (Бердяев, 1991, с. 241).

Как следует из рапорта начальника 4-го отделения СО ГПУ И. Решетова, М.М. Новиков после ареста и до своего отъезда в Германию содержался под домашним арестом (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 104). Эта же мера наказания коснулась члена ЦК партии кадетов, профессора МВТУ П.А. Велихова²⁷; агронома-кооператора Н.В. Малолетникова; кооператора Н.И. Любимова²⁸; историка, профессора Московского университета, «одного из духовных лидеров правых кадетов» А.А. Кизеветтера; экономиста, специалиста в области промышленной кооперации А.А. Рыбникова²⁹; профессора, агронома, президента Московского общества сельского хозяйства А.И. Угримова, доктора медицины, профессора государственной высшей медицинской школы и 1-го МГУ по кафедре гистологии В.Е. Фомина³⁰. Тогда как других, в том числе Ю.И. Айхенвальда, Н.А. Бердяева, Д.В. Кузьмина-Караваева, С.Е. Трубецкого, С.Н. Цветкова, после допроса и ареста поместили во внутреннюю тюрьму ГПУ. Петроградцам „повезло“ меньше — некоторые из них оставались в заключении от 40 до 68 дней. Кроме того, у них было сокращено время на приготовление к отъезду.

²⁷ Велихов П.А. (1875–1930) — профессор МВТУ, член ЦК партии кадетов.

²⁸ Любимов Николай Иванович (1883–?) был выслан по списку агрономов и кооператоров (см. о нем: Высылка вместо расстрела, 2005, с. 463).

²⁹ Высылка А.А. Рыбникова (1877–1938) была отменена, и в 1938 г. он был расстрелян.

³⁰ Высылка В.Е. Фомина (1874–?) была отменена.

«Во время пребывания в доме предварительного заключения к высланным был применен нормальный тюремный режим. Они пользовались правом свидания, получали передачи и т.д. Когда они были освобождены, им было объявлено, что в отношении правил о вывозе за границу носильного платья, белья и т.д. им предоставлялись некоторые льготы. Что же касается вывоза денег и ценностей, то к ним будут применены общие нормы, согласно которым каждому уезжающему за границу разрешается вывоз ценностей на сумму, не превышающую 50 руб. золотом»³¹.

По списку антисоветской интеллигенции, подлежащей высылке (от 23 августа 1922 г.), М.М. Новиков шел в составе московской группы, состоящей из 67 человек³² и высланной за границу 26 сентября 1922 г. 4-м отделением СО ГПУ. В этой группе были также: И.А. Ильин, А.И. Угримов, С.Л. Франк, А.А. Кизеветтер, Н.А. Бердяев, Ю.И. Эйхенвальд, М.А. Осоргин, А.Л. Байков, В.В. Стратонов и др. В Петроградской группе — П.А. Сорокин, Б.Н. Одинцов, И.И. Лапшин, А.А. Боголепов и др. В Украинской группе — А.А. Флоровский и др.³³

Последний пароход уходил из Петрограда 16 ноября 1922 г. На нем уезжало 25 семей петербургской интеллигенции, в числе которой философы Николай Лосский, Лев Карсавин, Иван Ильин, Александр Изгоев.

Всего по списку ГПУ от 22 августа 1922 г. высылке подлежали 217 «активных контрреволюционных элементов» из среды «неудобной» большевикам интеллигенции: 67 человек из Москвы, 53 — из Петрограда, 77 — из Украины (Киева и Одессы). Подавляющее большинство было выслано за границу, но несколько человек — в отдаленные северные губернии России. Поскольку среди «несговорчивых», «неисправимых» и «инакомыслящих» особо выделялись философы, возникло нарицательное словосочетание «философский пароход», под именем которого беспрецедентная массовая акция по депортации инакомыслящей оппозиции и вошла в историю. Вместе с философами высылались экономисты, кооператоры, историки, медики, публицисты, издатели, журналисты.

Среди студенчества также проводились действия по выявлению и высылке инакомыслящих. Аксию по аресту студентов ГПУ провело в ночь с 31 августа на 1 сентября 1922 г. Однако тем студентам, кто подвергся высылке, было дано разрешение возвратиться через определенный срок, «т.к. существовало мнение, будто столкновение с капиталистической действительностью превратит молодежь в убежденных сторонников советской власти»³⁴.

М.М. Новикову, как и другим депортируемым осенью 1922 г. профессорам, разрешили уехать в Германию с семьей. В связи с этим депортация как репрессивная мера по отношению к инакомыслящим, выглядела даже «слишком гуманным» и «дорогостоящим» решением. Обычно в отношении интеллигенции большевики действовали более жестоко³⁵. Главную причину такого смягчения тактики большевиков следует искать в том, что летом 1922 г. Советская Россия добивалась международного признания и «слишком жестокое обращение с политическими оппонентами могло повредить ее престижу» (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 45).

³¹ Приезд высланных из Сов. России // Руль. 1922. 21 нояб. (см.: Философский пароход, 2003, с. 7).

³² Документ № 57. Рапорт начальника СО ГРУ зампреду ГПУ о ходе операции по высылке антисоветской интеллигенции от 22 августа 1922 г. (см.: там же, с. 113).

³³ Документ № 104. Список интеллигенции, высланной за границу 4-м отделением СО ГПУ, от 20 января 1923 г. (см.: там же, с. 173–175).

³⁴ «Очистим Россию надолго...» (см.: Философский пароход, 2003, с. 3).

³⁵ Чего стоит «дело Таганцева» (август 1921 г.), по которому был расстрелян 61 человек, в их числе и великий русский поэт Н.С. Гумилев.

Судя по сопроводительной записке зампреда ГПУ Уншлихта от 22 августа 1922 г., первоначально на «высылку антисоветской интеллигенции за границу» у ЦК РКП (б) было запрошено 50 млрд руб.³⁶ (из расчета стоимости высылки одного человека из Москвы в Германию — около 212 млн руб.)³⁷. Сюда входили следующие расходы: стоимость германской визы и продовольствия на двое суток дороги; железнодорожные билеты от Москвы до Себежа и от Себежа до Берлина, месячный прожиточный минимум в Берлине для политработника 3-й категории³⁸. Вскоре от этих расходов решили отказаться и переложить их на высылаемых, материальное положение которых и без того было крайне тяжелым. Для того чтобы оплатить стоимость билета от Петрограда до Берлина (6 английских фунтов) и тем самым получить разрешение на выезд, почти всем им пришлось распродать последнее из того, что у них оставалось непроданным в течение последних лет (обстановку, библиотеку, одежду и пр.).

По воспоминаниям писателя М.А. Осоргина «Как нас уехали» процедура высылки сопровождалась неожиданными курьезами и заняла больше месяца.

«Всесильное ГПУ оказалось бессильным помочь нашему „добровольному“ выезду за пределы Родины. Германия отказала в вынужденных визах, но обещала немедленно предоставить их по нашей личной просьбе. И вот нам, высылаемым, было предложено организовать деловую группу с председателем, канцелярией, делегатами. С предупредительностью (иначе — как вышлешь?) был предоставлен автомобиль нашему представителю, по его заявлению выдавали бумаги и документы, меняли в банке рубли на иностранную валюту, заготавливали красные паспорта для высылаемых и сопровождающих их родных. Среди нас были люди со старыми связями в деловом мире, только они могли добиться отдельного вагона в Петербурге, причем ГПУ просило прихватить его наблюдателя, для которого не оказалось проездного билета; наблюдателя устроили в соседнем вагоне. В Петербурге сняли отель, кое-как успели заарендовать все классные места на уходящем в Штеттин немецком пароходе. Все это было очень сложно, и советская машина по тем временам не была приспособлена к таким предприятиям. Боясь, что всю эту сложность заменят простой нашей «ликвидацией», мы торопились и ждали дня отъезда; а пока приходилось как-то жить, добывать съестные припасы, продавать свое имущество, чтобы было с чем приехать в Германию. Многие хлопотали, чтобы их оставили в РСФСР, но добились этого только единицы» (Осоргин, 1955, с. 180–185).

Достаточно циничным выглядит и тот факт, что оформление документов на эмиграцию из РСФСР в Германию, ГПУ поручило самим арестованным ученым (!?). Н.О. Лосский вспоминал, что его и Н.М. Волковвысского даже освободили из-под ареста для выполнения работы, связанной с подготовкой паспортов и виз по петроградскому списку (Высылка вместо расстрела, 2005, с. 33). В Архиве ФСБ сохранился документ — обращение Лосского и Волховысского к руководству ПГО ГПУ от 8 октября 1922 г., в котором написано, что «по поручению группы петроградских ученых и литераторов, высылаемых за границу, нижеподписавшиеся просят разрешить им хлопотать перед германским посольством о выдаче виз для указанной группы и, по получении виз, взять на себя все хлопоты по отъезду в Германию (приобретение пароходных билетов и т.д.)»³⁹.

³⁶ Документ № 54. Сопроводительная записка № 81511 зампреда ГПУ в ЦК РКП (б) от 22 августа 1922 г. (см.: Высылка вместо расстрела, 2005, с. 111).

³⁷ Документ № 55. Сведения для составления сметы на высылку (без даты, не ранее 22 августа 1922 г.). См.: там же, с.111–112.

³⁸ Там же.

³⁹ Раздел 2. Документ № 29. Письмо Н.М. Волковвысского и Н.О. Лосского в ПГО ГПУ от 8 октября 1922 г. (см.: там же, с. 224).

Оформление заграндокументов для лиц, арестованных по московскому списку, было поручено профессорам А.И. Угримову и В.И. Ясинскому. В Архиве ФСБ сохранилась копия письма германского дипломатического представительства в Москве, адресованного вышеназванным лицам, от 19 сентября 1922 г.: «На Ваш запрос о возможном скорейшем предоставлении Вам виз на въезд в Германию, Германское дипломатическое представительство сообщает Вам, что Вы сможете получить паспорта в понедельник, после обеденного времени. Более скорое выполнение этого, к сожалению, не может последовать ввиду большого количества визируемых паспортов по техническим причинам».⁴⁰ По данным интервью В.А. Мякотина (от 1 октября 1922 г.), данного берлинской газете «Руль», германский представитель в Москве, к которому явились уполномоченные Ясинский и Угримов, заявил, «что германское правительство согласно дать нам убежище, если мы сами это просим, но что это не следует рассматривать как оказание содействия большевикам по приему высылаемых»⁴¹.

Уже спустя два с половиной месяца (19 декабря 1922 г.) ситуация резко изменилась и Прибалтийские государства отказались от предоставления высылаемой из России интеллигенции права въезда на их территорию. Тогда же и Германское посольство также категорически отказалось визировать паспорта украинской антисоветской интеллигенции для въезда в Германию (см.: Высылка вместо расстрела, 2005, с. 170).

Первая партия высылаемых за границу выехала поездом Ригу уже в третьей декаде сентября (в ее составе А.В. Пешехонов, П.А. Сорокин, И.П. Матвеев и др.). Вторая партия «инакомыслящих», в числе которых были философы Ф.А. Степун, Н.И. Любимов и др., была отправлена по железной дороге прямо в Берлин. Все же остальные, депортируемые с семьями в конце сентября и середине ноября, выехали из Петрограда на зафрахтованных у немцев пароходах «Обербургомистр Хакен» и «Пруссия».

Итоги проведенной операции были проанализированы в ноябре 1922 г. в циркулярном письме «Об антисоветском движении среди интеллигенции», а также в «Обзоре деятельности антисоветской интеллигенции за 1921–1922 гг.», подготовленном Секретным отделом ГПУ. Причины, побудившие большевиков провести масштабную акцию против интеллигенции, разъяснялись в циркулярных письмах ГПУ в отношении каждой категории лиц, подвергшихся репрессиям (медицинские работники, агрономы, кооператоры, профессора и студенчество, журналисты и пр.). Например, в отношении высшей школы в циркулярном письме № 26 от 23 ноября 1922 г., было отмечено следующее:

«Контрреволюционные элементы профессуры пытались и пытаются использовать кафедру высшей школы в качестве орудия антисоветской пропаганды. Многолюдные студенческие аудитории становятся центром возрождения буржуазной идеологии, проводниками которой являются ученые ревнителю капиталистической реставрации. Профессура ряда высших учебных заведений Москвы и Петрограда провела весной с.г. ряд забастовок, где наряду с экономическими требованиями были выдвинуты и требования автономии высшей школы, свобода профессорских и студенческих ассоциаций. В этом движении, направленном на завоевание высшей школы как идеологического форпоста возрождающейся буржуазии, реакционная профессура, успевшая создать свои независимые организации (Объединенный совет профессоров г. Москвы и подобный же центр в Петрограде), опирается на буржуазные элементы студенчества, являющегося оружием в руках профессорских клик»⁴².

⁴⁰ Раздел 2. Документ 227. Письмо германского дипломатического представительства в Москве профессорам А.И. Угримову и В.И. Ясинскому от 19 сентября 1922 г. (см.: там же, с. 372).

⁴¹ Беседа с Мякотиним // Руль. 1922. 1 окт. (№ 560).

⁴² Циркулярное письмо ГПУ № 26 от 23 ноября 1922 г. (см.: Высылка вместо расстрела, 2005, с. 20–21).

В 1923 г. Федор Степун, депортированный в Германию, так сформулировал свое представление о психологии большевиков в акции высылки оппозиционеров за границу:

«Большевикам, очевидно, мало одной только лояльности, т.е. мало признания советской власти как факта и силы; они требуют еще и внутреннего приятия себя, т.е. признания себя и своей власти за истину и добро. Как это ни странно, но в преследовании за внутренне состояние души есть нота какого-то извращенного идеализма» (Степун, 2000, с. 224).

Впоследствии подобные массовые высылки интеллигенции более не практиковались, как «нецелесообразные». К счастью, антигуманная акция советского правительства по массовой высылке в 1922 г. оказалась благом, поскольку сохранила депортированным не только жизнь, но и возможность творчески работать. Многие представители российской интеллигенции смогли внести значительный вклад в развитие мировой науки, техники и искусства. В отличие от высланных, судьбы некоторых интеллигентов, оставшихся на родине, сложились трагически: одни подверглись репрессиям, другие были расстреляны или надолго сгинули в лагерях. Об этом свидетельствуют и письма коллег М.М. Новикова по московским вузам, адресованные ему в Прагу (Ульянкина, 2009, с. 339–360).

Литература

Александров Д.А. Михаил Михайлович Новиков: ученый, общественный деятель, организатор науки // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–108.

Александров Д.А. Советизация высшего образования и становление советской научно-исследовательской системы // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки / Под ред. Э.И. Колчинского, М. Хайнеманна. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 152–165.

Бабков В.В. Н.К. Кольцов: борьба за автономию науки и поиски поддержки власти // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 3. С. 3–19.

Белоусов К.Г. М.М. Новиков (1876–1965) // Записки Русской академической группы США, 1975. Т. IX. С. 305–314.

Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. М.: Мысль, 1991. 220 с.

Вишняк М. Рец. на: М.М. Новиков. От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике (Нью-Йорк, 1952) // Новый журнал. 1953. Кн. XXXII. С. 298–300.

Вронская Д., Чугаев В. Новиков Михаил Михайлович // Кто есть кто в России в бывшем СССР. М., 1994. С. 385.

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923 / Сост. В.Г. Макаров, В.С. Христоворов. М.: Русский путь, 2005. 544 с.

Гаврилов К.И. М.М. Новиков и его научная деятельность // Русский врач в Чехословакии. Прага, 1936. № 4.

Главацкий М.Е. Философский пароход: год 1922-й. Историографические этюды. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2002. 224 с.

Геллер М. Первое предупреждение — удар хлыстом // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 37–66.

Двухсотлетие Московского университета (1755–1955). Празднование в Америке / Сост. и гл. ред. М.М. Новиков. N.Y.: All Slavic Publishing House, 1956.

Дмитрий Петрович Боголепов (1885–1941) // Ректоры Московского университета. Биографический словарь / Сост. В.В. Ремарчук. М.: МАЛП, 1996. С. 165–169.

Дорошенко С.И., Мочалов И.И., Трошин А.А. Свободно избранный ректор // Вестник РАН. 1995. № 9. С. 463–465.

- Ермолаева Н.С.* О так называемом «Ленинградском математическом фронте» // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 4. С. 66–74.
- Зароченцев М.Н.* От Москвы до Нью-Йорка // Новая заря (Russian Daily). 13 августа 1955. Красная книга В.Ч.К. / Под ред. М.И. Лациса. М., 1922.
- Красовицкая Т.* Что имеем, не храним // Московские новости. 1990. 20 мая. № 20. С. 14–15.
- Крыленко Н.В.* Обвинительные речи по наиболее крупным политическим процессам. М.: Юридическое изд-во, 1937. 608 с.
- Лебедева Е.* Дом на Моховой // Свет Христов просвещает всех. Святая всех. Святая Татиана и Московский университет. Издание газеты «Татьянин день». М.: Патриаршее подворье, 1996. С. 132–133.
- Летопись Российской академии наук: в 4 т. Т. 4. 1901–1934 / Сост. *К.Г. Большакова* и др.; отв. ред. *Э.И. Колчинский, Г.И. Смагина*. СПб: Наука, 2007. 1051 с.
- Луначарский А.* Народный комиссариат по просвещению. 1917 – октябрь 1920. Краткий отчет. Госиздат, 1920. 112 с.
- Новиков Михаил Михайлович // Новый энциклопедический словарь. Пг., 1916. Т. 28. Стб. 720.
- Новиков Михаил Михайлович // Русские ведомости. 1863–1913: Сборник статей. М., 1918. Отд. 2. С. 126.
- Новиков М.М.* Московский университет в первый период большевицкого режима // Московский университет: 1755–1930. Юбилейный сборник по случаю 175-летия Московского университета / Под ред. *И.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера, М.М. Новикова*. Париж: Современные записки, 1930. 466 с.
- Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике (Отрывки из воспоминаний). Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 404 с.
- Новиков М.М.* Полстолетия научной деятельности = 50 years of scientific works. N.Y.: All Slavic Publishing House, 1956. 80 с.
- Новиков М.М.* Первые шаги в эмиграции (1922) // Грани (Мюнхен). 1958. С. 128–129.
- Новиков М.М.* Великаны российского естествознания. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. 199 с.
- Н. В. М.* О воспоминаниях вообще и в частности (Рец. на: М.М. Новиков «От Москвы до Нью-Йорка»). Нью-Йорк, 1952) // Russian life (Сан-Франциско). 1955. 12 марта. № 3324.
- Новиков М. М.* О русской дореволюционной науке // Старые — молодым. Мюнхен: Изд-во Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1962. С. 71–79.
- Осоргин М.А.* Как нас уехали // *Осоргин М.А.* Времена. Париж, 1955. С. 180–185.
- Пайпс Ричард.* Россия при старом режиме / Пер. с англ. яз. В. Козловского. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
- Плетнев Р.В.* [Рец. на кн.:] М.М. Новиков. Полстолетия научной деятельности // Новый журнал (Нью-Йорк). 1957. № 51.
- Погорелов В.* Новая книга (Рец. на: М.М. Новиков. «От Москвы до Нью-Йорка»). Нью-Йорк, 1952) // Русская правда. 1954. 26 марта. № 12. С. 3.
- Ректоры Московского университета. Биографический словарь / Сост. *В.В. Ремарчук*. М.: МАЛП, 1996. С. 158–164.
- Скончался профессор М.М. Новиков // Русская мысль. 1965. 12 янв. С. 5.
- Сорокин П.* Дальняя дорога. Автобиография / Пер. с англ., общая редакция, предисловие и примечания *А.В. Липского*. М.: Московский рабочий, 1992. 302 с.
- Степун Ф.А.* Мысли о России. Очерк // Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000.
- Ульянкина Т.И.* Новиков Михаил Михайлович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический словарь. М., 1997. С. 463–465.
- Ульянкина Т.И.* Неизвестная переписка проф. М.М. Новикова с коллегами в СССР в 1920–1940-е гг. (М.А. Мензбиром, В.Н. Никитиным, М.Н. Римским-Корсаковым) // Нансеновские чтения, 2008. СПб.: РОО ИКЦ «Русская эмиграция», 2009. С. 339–360.
- Философский пароход. Высылка интеллигенции из Советской России в 1922 г. М.: Федеральная архивная служба России, 2003.
- Хоружий С.* Философский пароход // Литературная газета. 1990. 9 мая. № 19 (5239).

Hermann T., Kleisner K. The five “homes” of zoologist Mikhail V. Novikov (1876–1965). Analogy and adaptation in one’s life and as a principle of biological investigation // *Jahrbuch für Europäische Wissenschaftskultur*. 2005. Bd. 1. S. 87–130.

Novikoff Michel // *World Who’s Who in Science*. Chicago, 1968. P. 1268.

To the biography of the rector of the Moscow University Prof. M.M. Novikov: 1917–1922

TATIANA I. ULIANKINA

Institute of the History of Science and Technology named after S.I. Vavilov RAS, The House of Russia
Abroad named after A. Solzhenitsin, Moscow, Russia;
tatparis70@gmail.com; tiulian@ihst.ru

The article presents the original documentary material explaining some unknown facts of the life of the outstanding zoologist, doctor of philosophy of the Heidelberg University, doctor of science of Moscow University, professor and the rector of the Moscow University, M.M. Novikov. It also reflects a period of wide-scale removal of scientific intellectuals from Moscow, Petrograd, Kiev, Odessa and turn down of democratic elements in political life of Soviet Republic.

Key words: M.M. Novikov, Moscow University, political repressions in 1917–1920-s.